

Вячеслав
ДЕНИСОВ

ТАМОЖНЯ

даєт добро

ЖИЗНЬ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Вячеслав Денисов

Таможня дает добро

«ЭКСМО»

2001

Денисов В. Ю.

Таможня дает добро / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2001

В «подарок» своей жертве убийца оставил золотую цепь и кучу баксов. Только вряд ли этот «вещдок» поможет молодому оперу Женьке Краеву вычислить, кто же убил его друга. Тем более что самого Краева обвиняют в убийстве наркомана. Приходится действовать на свой страх и риск – выманивать врага на себя. Краев добился своего – убийца перед ним. Только, увы, не Женька задержал убийцу, а тот скрутил лихого опера. Причем грамотно скрутил...

© Денисов В. Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вячеслав Денисов

Таможня дает добро

Герои и персонажи в повести вымышленны.

Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.

Пролог

Ночью с машины Евгения Краева сняли колеса. Сам по себе этот факт экстраординарным не был. Месяц назад его «Жигули» девятой модели «разули» аналогичным способом на том же самом месте – на крошечной стоянке перед домом. Рано утром Женя вышел из подъезда, уселся за руль и включил зажигание, прогревая остывший за ночь двигатель. Слегка постукивая пальцами по рулевому колесу в такт струившейся из «Пионера» песенки про «Владимирский централ», он ловил на себе недоуменные взгляды прохожих. Эти взгляды его раздражали. Ну и что, что он опер из «уголовки»? Разве операм из уголовного розыска запрещается ездить на личных «девятках» текущего года выпуска? Вы хоть знаете, как они, эти «Жигули», у него оказались? Нет, не знаете! Эта машина не куплена на взятки и не подарена бандитами за услуги. «Девятка» выиграна. Но не в «Поле чудес», а в пари с папой. Впрочем, об этом чуть позже.

Женя решил, что двигатель прогрелся достаточно. Включив первую передачу, он слегка вывернул руль в сторону проезжей части и... Все было в порядке: передача включалась, руль крутился, обороты набирались. Был даже момент, когда обороты достигли уровня, когда надо переходить на вторую передачу. Если верить спидометру, Женя мчался по дороге со скоростью около шестидесяти километров, и мимо него должны были мелькать деревья, которые в данный момент стояли перед глазами как вкопанные. Женя мчался, а машина стояла на месте. Спасибо соседу.

– Евгений, – прокричал тот, высовываясь из форточки, – заканчивай херней страдать. Она *так* не поедет. Нужно колеса поставить.

Ошарашенный услышанным, сотрудник милиции открыл дверцу и выбрался на улицу. Он секунду смотрел на нижнюю часть своей машины и его «твою мать...» совпало с хлопком закрываемой соседом форточки.

Перламутровая «девятка» покоилась на пьедестале из кирпичей, выложенных чьей-то торопливой рукой. Четырех новеньких колес с «крутыми» дисками и покрышками «Гисловед» как не бывало. Теперь стало понятно, почему мимо окон не пролетали березки. На кирпичах ездить по городу, может, и можно, но трудно.

Краев тогда опоздал на работу. Признаться в том, что у него, опера, укатали из-под носа колеса с его же машины, означало стать объектом насмешек в коллективе. И Женя сказал, что сломался будильник.

Сейчас он снова смотрел на кирпичи и в его голове заворачивались в вопросительный знак мысли о том, как мотивировать опоздание сегодня и связана ли очередная кража с его профессиональной деятельностью. Если в бесполезности первого он не сомневался, то в отношении второго уже стала просматриваться тенденциозность. Помимо восьми укатившихся не по своей воле колес был еще сгоревший во время его отсутствия дерматин на двери и выбитое на кухне стекло. Если бы это были друзья отца, а точнее отчима, с которым он познакомился в пятнадцатилетнем возрасте, то в окно влетел бы не кирпич, а «Ф-1» или бутылка из-под шампанского с «коктейлем Молотова». Эти отморозки, имеется в виду сослуживцы и партнеры отчима, не станут тратить время на кражи колес и разбивание окон. Они обычно сразу разби-

вают головы. Чужие, разумеется. На мелкие пакости способна другая категория подонков – номенклатура Евгения Александровича Краева, капитана милиции. Весь материальный ущерб от этих пакостей можно было смело отнести на счет мести друзей тех, кто имел неосторожность воровать и грабить на территории райотдела, закрепленной за старшим оперуполномоченным уголовного розыска Краевым.

Женя с досадой плюнул под левое переднее... под левую переднюю кладку кирпичей и бросил на капот кожаную папку.

– Иди, иди! – услышал он за спиной. – Я присмотрю. Только вот что, Женька, мне через пару часов на работу нужно. Так что смотри сам...

Краев развернулся. Лица соседа не было видно из-за почерневшей от пыли и старости полиэтиленовой сетки от комаров. Сквозь эту сетку пробилась струя сигаретного дыма, и Краев снова услышал:

– Поймал бы ты их да жопу намылил как следует. Колеса-то хорошие были? Как в прошлый раз?

– Нет, – вздохнул Женя. – Это были колеса со служебной машины. На время взял, пока та в ремонте... Колеса дерьмовые, а шуму будет как из-за золотых.

– Ну, ладно, давай, беги. Я посторожу. Только – до десяти часов.

– Договорились, – расстроено бросил Женя, взял папку и зашагал в сторону остановки. Пройдя несколько шагов, он остановился, резко повернулся и запоздало крикнул:

– Спасибо, Серега!

Но тот, закрывая форточку, его уже не слышал.

* * *

До пятнадцати лет Женька рос счастливым человеком. Его отец умер, когда ему едва исполнилось три года, поэтому чувство горя от потери близкого человека в его памяти не всплывало. Отца он не помнил и не мог оценить присутствие мужского начала в семье. Женька довольствовался тем, что имел. Его мать, очень красивая и гордая женщина, тянула хозяйство, состоящее из сына и двухкомнатной квартиры, в одиночестве. Зарплаты учителя французского языка и небольших приработков в качестве репетитора хоть и хватало на жизнь, но не могло удовлетворить требования времени. Свои первые джинсы Женька надел именно в тот день, когда появился отчим. Вместе с джинсами на его кровати лежали вещи, об обладании которыми он мог только мечтать: настоящие, фирменные, привезенные из Германии спортивный костюм и кроссовки «адидас», куртка из плащовки с эмблемой хоккейного клуба «Детройт рэд уингз», майки, от лейблов на которых рябило в глазах и делало всю картину нереальной, – NIKE, REEBOK, PUMA...

Женька не верил, что все это происходит именно с ним. В доме появились дорогие продукты, аппаратура, а вскоре вся семья переехала в трехэтажный коттедж под охраной восьми здоровенных детей. Во дворе был бассейн, под домом – гараж, в котором стояли «Мерседес», «Крайслер» и микроавтобус. Мать преобразилась до неузнаваемости. Женька уже не видел ее стареньких костюмов и дешевой косметики учительки французского. Отчим покупал и покупал для нее баснословно дорогие вещи, приставил личного визажиста, причем делал он это такими ускоренными темпами, словно стыдился ее прежнего вида. Словно он желал стереть с нее все, что на ней было до сих пор. Женька просто не успевал за такими переменами в своей жизни и по малолетству считал, что пришла золотая пора, о которой часто говорила мама: «Наступит день, Женька, когда ты почувствуешь себя счастливым и все у нас будет хорошо...» Но он думал, что уже счастлив, раз жива мать и в доме есть все необходимое. И теперь он, словно во сне, пытался привыкнуть к переменам. Пытался привыкнуть быстро, поспевая за действиями отчима. Раньше Женькина жизнь тянулась, как пленка на мамином магнитофоне, – размеренно

и медленно. Теперь же казалось, что появившийся в ее жизни мужчина нажал кнопку ускоренной перемотки. В доме стали появляться обеспеченные люди – знакомые отчима и партнеры по работе – и с чувством плохо скрытой брезгливости бросать косые взгляды на мальчишку и его мать. Эти двое словно мешали нормальному течению жизни, словно были из другого, чуждого им мира. Иногда эти деловые и дружеские встречи затягивались до утра и сопровождались питием дорогостоящих напитков и карточными играми. На кону стояли суммы, от которых Женьку корбило. К отчиму он обращаться боялся, а та информация, которую он получал от матери, ограничивалась сведениями о том, что Николай Владиславович является директором завода буровой техники. Что такое отцовская любовь, Женька узнать так и не успел. Первым чувством, которое он испытал к новому человеку, стала ненависть.

Николай Владиславович ударил по лицу мать уже через месяц совместной жизни. Простить такое пятнадцатилетний пацан не мог никому и ни при каких обстоятельствах. Его кулак врезался в подбородок отчима уже через секунду после случившегося. Мальчишка стоял напротив стокилограммового мужика, как ошетилившийся хорь, и ждал расправы. Однако отчим, который даже не пошатнулся после удара, пошевелил нижней челюстью, словно вправляя кости на место, и спокойно проговорил:

– Молодец, пацан. Далеко пойдешь. Если не остановят. А ты, дорогая, прости, больше не повторится. Похоже, и мне привычки менять надо.

В последующем такое действительно не повторилось, но изменить отношение Женьки к отчиму это уже не могло. Напротив, мальчишка все стал делать вопреки желаниям Николая Владиславовича. Отчим хотел отправить пасынка на лето в Германию, «посмотреть мир», а тот все три месяца проработал на заводе токарем. На заработанные деньги купил себе одежду по средствам, а все подаренные «прикиды» сложил в сумку и оставил в кабинете Николая Владиславовича. Тот смирился, но сумку перенес в Женькину комнату: «У меня места там нет...» Потом последовало предложение «отмазаться» от армии: «Меня уважаемые люди в городе не поймут, если мой сын будет служить...», однако Женя Краев через месяц поступил в военное училище, хотя об этом ранее даже не думал. Выдержав все четыре года муштры – сломаться и вернуться он не имел права, – получил диплом, свидетельствующий о наличии высшего образования, и уволился из армии, прослужив командиром взвода в Даурии всего полгода.

Его ждали в городе мать и отчим, который сразу по его приезде договорился с ректором университета об устройстве пасынка на экономический факультет. Заодно уже был решен вопрос о его работе в должности начальника торгового отдела в компании по продаже угля. Евгений Краев поступил по-своему, и на этот раз его решение резануло отчима если не по сердцу, то по рукам – точно. Сразу после приезда Женя пошел в кадры Управления внутренних дел и написал заявление с просьбой принять на работу в уголовный розыск. После собеседования, медкомиссии и проверки ему дали «добро», и Николай Владиславович схватился за голову.

– Евгений, если ты не думаешь о своей судьбе, то подумай о моей и матери. Все мои коллеги по работе и просто знакомые – уважаемые, авторитетные люди, не раз отбывшие наказания в местах лишения свободы. Что они скажут, когда узнают, что мой сын – мент?

– Моя мать будет только рада, а ваша судьба мне безразлична, – ответил тогда Женя, поставив на стол полупустую чашку кофе.

И, выходя из дома, добавил:

– И уж на что мне совсем наплевать, так на ваших коллег. Авторитетных.

На следующий день он переехал в осиротевшую после их с матерью отъезда квартиру. Через два года стал старшим лейтенантом милиции, еще через год досрочно получил капитана и был назначен на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска территори-

ального отдела внутренних дел. Все это время он тепло общался с матерью и по вынужденной необходимости – с отчимом.

Вот, пожалуй, и вся предыстория. Хотя нет.

Машина.

Два месяца назад Николай Владиславович, находясь в подогретом состоянии после визита очередных «деловых», попытался прочитать Жене лекцию о бессмертии душ тех, с кем он общается. Они-де умны и осторожны, а потому, мол, неприкасаемы.

– Вот взять, к примеру, президента Клуба профессионального бокса города Арцеулова Эдуарда Владимировича. Кристальной чистоты человек. Все свои миллионы заработал благодаря уму и цепкости. Что под него копать, если копать нечего?

– Накопать можно и под столб, – нехотя возразил Женья, у которого не было никакого желания общаться с отчимом, тем более полупьяным. – А уж под любого вашего друга...

– А чем тебе мои друзья не нравятся? – побагровел Николай Владиславович. – Я живу, как хочу, а ты – как можешь. Как тебе позволяют жить такие, как я и Арцеулов! За все заплачено, парень! Вашу ментовку, как и тебя, можно купить точно так же, как два кило огурцов. Все дело в звании, то есть – в сумме!

Евгений посерел лицом, а отчим продолжал:

– Это вы только по «ящику» чисты и неподкупны! А вот вас как копни – все говно наружу лезет! Праведники...

– Как вы говорите? Арцеулов? – Женья встал со стула.

– Да, запомни эту фамилию! На наших фамилиях жизнь города и таких, как ты, трепещет. Если его ваши начальники смогут в черных делах уличить – забирай мою «девятку»! Позавчера купил для охраны, хер с ним – забирай!!! – Пьяный отчим по-барски махнул рукой.

– Подожди. Не торопись... – Краев прищурил глаза. – Без штанов останешься, авторитетный ты мой...

Николай Владиславович остался со штанами и всем остальным, но без «девятки». Его деловой друг, один из столпов города, Арцеулов Э. В. ровно через неделю был задержан сотрудниками РУБОП, а впоследствии арестован. Прокуратурой города ему было предъявлено обвинение по нескольким статьям Уголовного кодекса, в том числе за несколько эпизодов вымогательства, похищение человека и хранение оружия. Поводом тому послужила конкретная, говоря языком сыщиков УР – «в цвет», информация от одного капитана-опера из районного отдела внутренних дел.

– Далеко пойдешь... – заметил, как и десять лет назад, Николай Владиславович. – Если не остановят.

Его подозрительный взгляд, казалось, насквозь буравил Женью, когда он передавал ему ключи от машины.

– Может, еще на что поспорим? – ядовито улыбаясь, поинтересовался Краев.

Впрочем, как машина ему досталась, так он ею и пользовался. За два месяца ее уже дважды оставляли встречать рассвет без колес и однажды даже пришлось вызывать эвакуатор, когда «девятка» ни с того ни с сего вдруг заглохла и остановилась на середине коммунального моста.

И именно благодаря ей сейчас старший опер Краев торопился на работу, прекрасно осознавая при этом тот факт, что при таком опоздании плюс-минус десять минут уже ничего не решают. Он все равно опоздал...

Глава 1

Евгений зашел в дежурную часть, когда утомленный за истекшие сутки оперативный дежурный Стеблов допивал свой утренний кефир. Все в отделе знали, что Стеблова время от времени мучает язва, запущенная за годы работы в должности участкового. Майора Стеблова, которому до пенсии оставался год с небольшим, перевели начальником дежурной смены. Работа в «дежурке» от этого только выиграла. Она стала в дни его дежурств отличаться большей продуктивностью и тщательностью. Стеблов на территории райотдела знал если не каждого, то почти каждого жителя, прямо или косвенно связанного с криминалом. Каждый четвертый-пятый выезд дежурной опергруппы обычно был по ложному вызову. И время, необходимое для работы, уходило на бестолковые перемещения в «уазике» в места, где не найдешь ни потерпевших, ни подозреваемых, ни состава преступления, ни его события.

Теперь же в дежурства Стеблова выезды в «никуда» сократились до минимума. Майор лично отвечал на звонки.

– Дежурная часть. Майор Стеблов. Кто звонит?.. Степанищев?.. И чего тебе, родной? Жена пропала? Опять пропала? А ты у соседа был? У какого?.. На твоей улице живет, в двенадцатом доме! Вот сходи узнай, а потом названивай! Я что, твоих придамбасов не знаю, что ли? Сам ему рожу набить не можешь и идти боишься, так опять решил ментов на помощь позвать?! И потом изумляться с наглой рожей, мол, как это вы так быстро смогли ее найти? Слушай, Степанищев, разводишься ты с ней. У нее мать в Березовке живет, вот пусть туда и мотает. Квартира-то твоя, насколько я знаю... Вот так... И не звони больше, а то приду и задницу надеру за заведомо ложный донос.

Евгений подождал, пока Стеблов проглотит свой кефир и, прикуривая сигарету, как бы между прочим поинтересовался:

- Начальник грозен нынче?
- Начальник ныне отпускает всем грехи.
- Что так? – удивился, будто услышав новость о присоединении Китая к России, Краев.
- У старого внук родился. – Стеблов облизал седые усы. – А ты чего опять пешком?
- С карбюратором что-то...
- Опять колеса сняли? – тихо спросил Стеблов, пряча стакан в тумбочку.
- Краев повертел головой, убеждаясь, что их не слышат.
- А ты откуда знаешь?!
- Я все знаю, – веско заметил дежурный. – Только никому ничего не говорю.
- И не говори! – Краев был зол на вездесущность Стеблова. – Может, еще знаешь, кто

именно снял?

- А то...
- Ну и кто? – Краев склонился над майорскими погонами.
- Не маленький, сам найдешь.

От такой наглости Краев чуть не задохнулся. Ему даже не пришло в голову возмутиться тем, что Стеблов поступает не по-товарищески. Женя возмутился по другому поводу.

– Это ты... Это ты что, дед, делаешь?! Преступников прикрываешь?!

– А ты заявление писал?

– Ты спятил! Я что, на отдел «темняк» лоховской вешать буду?!

– Тогда надо просто прийти к старику Стеблову, налить стакан коньяку и попросить помочь. Если в своих штанах ничего найти не можешь, что ты в чужих ищешь? А еще премии в управе как лучший опер получаешь... Эти премии деду Стеблову выписывать надо.

Дежурный посмотрел на остолбеневшего от таких его речей Краева и закончил:

– Прикрой глаза-то, лопнут. Завтра перепроверю информацию и скажу. Иди, Женька, на совещание. Час назад «мокруху» в квартире заявили. Кого-то из нуворишей завалили. Пуля во лбу, пуля в затылке, на полу «ТТ», на шее золотая цепь с руку толщиной, на столике барсетка с тремя тоннами баксов. Отгадай, что произошло в квартире?

– Заказуха. Ты что мне, старый, мозги загаживаешь? Какие наработки есть?

– Иди к своему шефу. Насчет наработок я не в курсе, а вот работы вам хватит.

Поняв, что от Стеблова большего не добиться, Краев поднялся по ступеням и вышел в коридор, ведущий к приемной начальника РОВД подполковника Стрельникова. Именно там ежедневно проводились утренние совещания. Сегодняшнее утро, понятно, исключением не было. Едва Женька шагнул в приемную, секретарь Машенька Белова понимающе подмигнула Краеву и приложила палец к губам. Это означало – «тише, и никто не заметит, что ты опоздал».

Очевидно, главное уже было сказано, так как про убийство не прозвучало ни слова. Разговор шел о серии квартирных краж, буквально обрушившихся на район. Под удар Стрельникова попали представители всех служб без исключения. Опера – за отсутствие нюха и информации, следователи – формализм допросов, участковые – за отсутствие контроля за поднадзорным элементом. Поскольку претензии начальника носили общий характер и в подобных смертных грехах сотрудники обвиняются чуть ли не ежедневно, Краев понял, что этот «разнос» – не смертельный. Все как всегда, все как обычно. Одним словом – нормальная рабочая обстановка. Беспокоило другое. Все без исключения ежеминутно поглядывали на Евгения, стоящего столбом в дверях – ему не хватило стула. И их взгляды не предвещали ничего хорошего. Женька еще раз провернул в голове свою деятельность за последние дни и среди поступков, в коих стоило повиниться, он выделил только сегодняшнее опоздание на работу на двенадцать минут. Большого он за собой не ведал, а за опоздание лишать тринадцатой зарплаты, как и убивать, его не станут.

Однако чувство беспокойства не оставляло его до конца совещания. Отпустив всех, Стрельников попросил Евгения остаться. Краев, уже не скрывая беспокойства, наугад взял один из стоящих табуном стульев и сел. Стрельников повертел в руках очки, надел, снова снял и положил на столешницу. Краев, по себе зная, как трудно начинать неприятные разговоры, а в том, что разговор – неприятный, он уже не сомневался, хранил молчание, стараясь держать паузу столько, сколько это нужно начальнику. Наконец, Стрельников, снова водрузив на нос очки, придвинул к себе ежедневник и раскрыл его одним движением на нужной странице, словно переломил. Скосив взгляд в сторону ежедневника, Краев провел глазами по бисеру букв.

– Вот что, Евгений...

Начальник опять снял с носа очки и, пользуясь ими как лупой, стал читать им же написанное. Опять наступила пауза, и на этот раз продлевать ее было глупо, так как обращение уже состоялось.

– Я слушаю вас, Степан Аркадьевич.

Стрельников закончил расшифровку собственного манускрипта и оттолкнул блокнот в сторону.

– Евгений, Игорь Карлович Эберс – тебе говорит что-нибудь это имя?

– Говорит, – спокойно ответил Краев.

С Игорем Эберсом они учились в одном взводе, вместе распределились в Забайкальский военный округ после окончания училища и уволились практически в один день. Далее их пути разошлись, хотя оба стали оперативниками. Евгений – в УВД, а Игорь – в Региональной таможне. Но пути разошлись только в этом. Они продолжали жить в одном городе, ходить на матчи чемпионата России по футболу, не забывая прихватить на трибуну по паре «Жигулевского». К сегодняшнему дню Краев стал старшим опером УР, а Эберс – заместителем начальника отдела по борьбе с особо опасными видами контрабанды.

– Мы оба за наш «Спартак» болеем, – добавил Женя.

– Болели... – Стрельников стал пальцами разминать переносицу, словно всю ночь не снимал очки.

– Не понял, Степан Аркадьевич.

– Сегодня ночью Эберс убит двумя выстрелами из пистолета в собственной квартире. Все признаки заказного убийства налицо.

Краев почувствовал, как зазвенело в ушах, и он уже не слышал собственного голоса.

– Мы же с ним только позавчера на стадионе были...

Теперь Евгению стало ясно, про какое убийство говорил ему Стеблов. Но почему на него, Краева, *так* смотрели сослуживцы. В отделе никто не знал о дружбе оперов из разных ведомств. Такие отношения не поощряются руководством. Высосать информацию – ради бога, а дружить ради дружбы – не нужно. Из самого бы чего не высосали...

– Ты слышишь меня, Краев?

– Что?

– Я тебя спросил – что тебя с ним может связывать?

– Мы друзья.

– Ты раньше не говорил, что у тебя друзья в таможне есть.

– Я много чего не говорю. И почему я должен афишировать неслужебные отношения?

Стрельников вздохнул:

– Ты прав. Но на столе в его квартире лежала твоя визитная карточка. Теперь она в уголовном деле и в связи с убийством сотрудника таможни моего сотрудника начнут таскать по прокуратурам и задавать албанские вопросы. Теперь понятно, почему я интересуюсь?

– Все понятно. Кроме одного. Откуда у него золотая цепь и три тысячи долларов?

– Я про это тебе ничего не говорил...

– Стеблов сказал.

– Понятно, – усмехнулся начальник отдела. – А у Эберса могли быть такие деньги, Евгений?

– Думаю, нет, – сразу ответил Краев. – Он, конечно, бережлив и расчетлив, как всякий немец, но его бережливость и расчет строятся исключительно на сумме зарплаты. В любом случае долларов у него я не видел. И чего не видел точно – это золотой цепи. Если верить Стеблову, так это строгий ошейник какой-то, а не цепь!

– Да уж, – согласился Стрельников. – Видел я это, с позволения сказать, украшение. Эксперт сказал, что если цепь золотая, то ее запросто можно поменять на двухгодовалую «шестерку».

– А между тем Игорь полтора года копил деньги на дубленку... – задумчиво выдавил из себя Краев.

– Я тебя вот зачем попросил остаться, Евгений... – Очки начальника снова заняли положенное место на носу. – Я понимаю, что Эберс был твоим товарищем, но... Займись текущими делами. У тебя их невпроворот. Договорились?

– А при чем здесь дружба, Степан Аркадьевич? – попытался отмахнуться Евгений. – Убийство совершено на моей территории. Заказуху на ура не возьмешь, поэтому будем работать в прежнем направлении. Только теперь добавился еще один тяжкий «темняк»...

– Я понял, что ты все понял, но делаешь так, чтобы понял, что ты ничего не понял. Раз так, Краев, тогда обойдемся без просьб. Раскрытием тяжких преступлений занимаются опера этой линии. Ты – «территориальник», поэтому займись кражами! Наш отдел в «темняках», как елка в игрушках. Работай.

– Хочу в отпуск, – неожиданно заявил Евгений.

– Хрен с маслом! – поставил точку догадливый Стрельников.

– Бойтесь, что вам попадет за участие в деле опера, чью карточку нашли на месте убийства? – довольно жестко произнес Женя.

– Боюсь! – не менее резко отсек подполковник. – Только не за себя, а за тебя. По мне отдел «очистки» не раз проходил, только рылом они не вышли! Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что тебя сейчас могут начать «водить»? Не лезь в эту хату, Женя. Поверь старому волку... Обещаешь?

Неопределенно помотав головой, Краев привстал со стула.

– Вот и ладно, – согласился подполковник, суетливо выдвигая ящики стола. – Давай, иди работай. Куда я ежедневник засунул?..

Улыбаясь одними губами, Женя вышел из приемной. Стрельников был человеком четко заданных вопросов и ясных ответов, и если бы он хотел сейчас заставить Краева что-то сделать, то не удовлетворился бы непонятными орбитальными движениями головы подчиненного.

«Хитрит, старик, – думал Краев, доставая ключи от своего кабинета и стоя прямо перед дверью. – Сам себя успокоить хочет. И при этом просит, а не приказывает. Потому что знает – бесполезно. По себе знает...»

Уже открывая дверь, услышал за спиной:

– Евгений Александрович, минуту времени не уделите?

Обернувшись, Краев увидел перед собой эффектную брюнетку, сверстницу. По профессионально наложенному макияжу и стилю в одежде он без труда определил уровень женщины как «XXL». Дело не в размере, а в их с Эберсом привычке, еще с училищной скамьи, определять по этой размерной шкале статус слабого пола. «L» – это «M» после смытого макияжа. «M» – совершенно бесперспективная в плане дальнейшего общения в силу своей пугающей наружности. «X» – это 90–60–90 со среднестатистическим лицом и таким же уровнем мышления. «XL» – уровнем выше, но с сохранением указанных пропорций. «XXL» – не существует.

Дама, знающая имя и отчество Краева, относилась именно к последней категории.

– Могу и больше, если по делу, – обронил Евгений, пропуская в свой кабинет брюнетку. – А если вы пришли по поводу выкрученной в подъезде лампочки, то прошу меня извинить. Этими преступлениями против человечества занимается служба участковых инспекторов.

– Я думаю, что по делу, – словно прося прощение за проступок, почти прошептала женщина.

«Она – *думает*. Точно «XXL»...»

– Присаживайтесь, – вздохнул Краев.

Гостя своим появлением оттягивала звонок следователю прокуратуры и в экспертно-криминалистический отдел. Если в прокуратуре могли мягко выскользнуть из сети вопросов, а проще говоря – послать подальше, то результаты экспертизы с улицы Энтузиастов, где жил Игорь Эберс, будут у него быстрее, чем у следователя. С начальником ЭКО выпита на трибунах «Спартака» ванна пива. И если быть до конца откровенным, то выпита специально. Разыскное искусство, как и всякое другое, требует жертв и порой самоотречения.

– Слушаю вас, – терпеливо выдохнул Евгений, руки которого так и тянулись к телефону.

Женщина не спеша, чем вызвала хорошо скрытое раздражение Краева, достала из сумочки змеиной кожи длинную, не известную оперу сигарету и прикурила от узкой золотистой зажигалки. В ответ Краев вынул из кармана помятую пистолетной кобурой пачку «Бонда» и спички.

– Знаете, девушка, именно сегодня я очень занятой человек. Курение в компании красивой женщины мне, безусловно, льстит...

– Я просто не знаю, с чего начать, – перебила Краева женщина.

– Начинайте всегда с самого начала и постепенно переходите к сути.

Незнакомка секунду подумала, после чего решительно вынула из кармана малиновые корочки служебного удостоверения и положила их перед Евгением.

«Государственный таможенный комитет», – прочитал Краев.

Он давно уже знал, что случайностей не бывает. Случайным может быть только секс у африканского пеликана с вороной из средней полосы России. Убийство Эберса и появление в его кабинете незнакомки из таможни, которая знает Краева по имени, совсем не стечение обстоятельств. Вряд ли педант Эберс рассказывал своим коллегам о знакомстве с сыщиком из уголовки. Так поступает только фуфлыжник, а не опер. Он мог это сболтнуть только там, где мужчины перестают окружать себя пеленой тайны. В постели. Вот если бы сейчас пришел мужик, то Краев просто не знал бы, что и думать...

– Игорь говорил вам, что вы – «XXL»? – просто спросил Женя.

От изумления женщина вдохнула дым и забыла его выдохнуть. Одним вопросом опер из ментовки разрушил непреодолимую, как казалось ей, стену ненужных объяснений. Несмотря на потрясение, гостья из таможни быстро пришла в себя и справилась с дымом.

– Он был прав, – глядя на Краева, произнесла она.

– В чем?

– В том, что вы шахматист, выигрывающий у гроссмейстеров, но не знающий правильного названия фигур.

– Даже не знаю, как воспринять эти слова, – поморщился Краев. – Как комплимент или как насмешку?

– Вы даже не раскрыли мое удостоверение. Меня зовут Амалия. Будем знакомы.

– Как «Золушку», что ли? – смущенно поинтересовался Женя. – Надеюсь, без грима вы не так выглядите, как та Амалия?

Она улыбнулась одними глазами.

– И во втором Игорь тоже был прав. Под маской циника вы скрываете глаза романтика.

– Только не нужно говорить, что он сказал это дословно, – заволновался Краев. – Игорь Эберс выражался другими категориями.

– Вот именно – *выражался*...

* * *

Амалия Березина работала в одном отделе с Эберсом. По стечению обстоятельств оба сначала были в отделе по борьбе с контрабандой наркотиков, только она – в таможне аэропорта, а он – в региональной, и совершенно не знали друг друга... После штатных перестановок они попали вместе в региональную таможню и в один отдел – по борьбе с особо опасными видами контрабанды. Когда Игорь Эберс был назначен на должность заместителя начальника отдела, Амалия хотела сначала перевестись в другую таможню, чтобы не быть обузой для Эберса в качестве подчиненной, но он настоял, чтобы она осталась. И она так и сделала. А что касается, «чтобы не быть обузой»... То, что Амалию Березину и Игоря Эберса влекла друг к другу непреодолимая сила, именуемая любовью, являлось секретом только, пожалуй, для Краева.

Он сидел напротив девушки, подперев кулаком подбородок, и не верил ни единому ее слову. Не потому, что подозревал ее в чем-то, а просто не мог поверить в то, что немец Эберс, для которого идеал женщины сжимался в триединое понятие «кухен-киндер-кирхен», мог полюбить кого-то в ночном клубе.

– Вы поймите правильно, Женя, ночной клуб – это не то, о чем вы подумали, – объясняла Амалия. – Просто мы оплатили на день заведение, чтобы отпраздновать день таможни. Это было полгода назад. Там мы и познакомились...

Евгений почувствовал, что будет лучше, если разговор продолжится в более непринужденной обстановке, и предложил женщине встретиться через два часа на Центральной площади у входа в Дом журналиста.

– Знаете, где это?

Она знала. В кафе этого здания она с Эберсом пила кофе...

– И вот что, Амалия... – произнес Евгений, глядя, как она взялась за ручку двери. – Не «светитесь». «Проверьтесь» пару раз, пока будете ехать к кафе.

Это была не та, которая могла не понять, что такое «светиться» и «проверяться», поэтому Женя вел себя так, как должен себя вести мужик-опер по отношению к оперу-женщине.

– Хорошо, – просто и тихо ответила она.

Смиренно и всепрощающе, как на кладбище.

Краев хотел сказать ей что-нибудь резкое, чтобы подавить в ней чувство упадничества, настроить на дальнейший разговор у Дома журналиста... и столкнулся взглядом с ее огромными красивыми глазами, полными слез. Он вдруг вспомнил заразительный смех Эберса, серый, всегда веселый, с хитринкой взгляд, его поразительную любовь к жизни и осекся. Он только сейчас понял, что потерял друга, замену которому найти будет невозможно. Эберса больше нет.

И никогда не будет.

Он сейчас в морге, на ледяном кафеле.

Последнее, что Краев слышал от него, – это:

– СОЗВОНИМСЯ, БРАТАН!

Последнее, что он видел, – улыбку серых глаз и ежик коротко стриженных светлых волос.

Краеву стало так невыносимо плохо, словно закончилось действие анальгетика и у него близок болевой шок. Ему хотелось утешить девушку, но он лишь шевелил губами, как немой, и бессмысленными глазами смотрел на стекающие по ее щекам слезы...

Он был не в силах ей что-то сказать, а она была не в силах выйти из его кабинета...

Краев только сейчас понял, что Эберса нет.

Еще пять минут назад...

Как же он не мог..... понять этого раньше?..

Глава 2

Эберс

Четыре дня назад

Интересное кино получается.

Вот это да!

Едва мне в руки попадает агентурное сообщение, шеф ни с того ни с сего собирается в отпуск. Что-то ранее я не замечал за Владимиром таких рокировок! Еще вчера мы планировали отделом работу на всю неделю и действия каждого были расписаны, как у Чехова в «Дяде Ване». Вечером я приношу ему «шкурку» от «человека», он меняется в лице и произносит: «Утро вечера мудренее». А утром заявляет, что начальник таможни отправляет его в отпуск. Очень мило. Не сказав ни слова, он все сказал. Расхлебывай, Игорек, эту кашу сам!

Я шелкнул замком сейфа и еще раз углубился в написанное на листке ученической тетради.

«Сообщаю, что сегодня, 11 июня 2001 г., в 22.00, у меня состоялась встреча с Димой Лешим. В ходе доверительной беседы он пояснил, что 15 июня в наш город проследует автомашина – еврофура «Мерседес» с номерами нашего региона. Цифры – 891. Машина проследует через пост милиции на въезде в город в период с 19.00. В стенке за кабиной в тайнике находится 28 кг героина.

Как рассказал Дима Леший, героин поступил из Афганистана транзитом через Таджикистан. Героин предназначен для реализации мелкими партиями в нашей области. Общая стоимость перевозимого наркотика составляет около \$ 2 500 000.

Дима Леший предложил мне за сумму в 10 000 рублей участвовать в охране мероприятия при передаче груза.

Чибис».

У опера такой шанс – стать самым красивым парнем в городе, хотя бы на пару дней, бывает раз в жизни. Тем более что формально руководителем считался бы Владимир. Я – исполнителем. Нетрудно догадаться, кто станет главным, если мы «сломаем» мероприятие, в котором Чибису предложили поучаствовать за десять штук! Все будут сыты и довольны. Володе, как в сезон звездопада, скатилась бы вторая большая звезда на погоны, я бы получил премию, а Чибис – честно заработанные рубли. Ему, конечно, лучше сразу взять «герасимом», но такого демократизма при расплате с агентами никто не допустит.

Остается два дня. Если сейчас информацию запустить официально, то мне с нашим СОБРОм на КПП при въезде в город будет нечего делать. Меня туда никто и не допустит. Скажут, как в хреновом боевике, – теперь это юрисдикция ФСБ, а ты со своими спецназовцами езжай на вокзал и хапай китайцев с непродекларированными носками.

Я чувствовал, как внутри меня что-то начинает закипать, как смола в котле. В город завозят через три границы пуд «ширева», а начальник таможни отправляет моего шефа в Сочи! Вова что, случайно забыл про мою информацию? Сомневаюсь. Он только вчера, смеясь, вспомнил, как я четыре года назад пришел на работу в свитере на изнанку. Я не помню, а он помнит! А про пуд «герасима» забыл?

Я швырнул папку со «шкуркой» в сейф и сорвал с аппарата трубку.

Секретарь в приемной начальника соизволила снять трубку только после четвертого гудка. Милая кукла. Знает две фразы – «Анатолий Маркелович в управлении» и «Анатолий Маркелович занят». Еще умеет заваривать кофе, резать бутерброды и мастерить на лице мону-ментальную мину. В отделе кадров однажды довелось увидеть ее заявление. «Прошу выпустить в текущий отпуск за прошлый год». Надо это записать и показать Краеву, а не то забуду.

– Приемная начальника таможни.

Ну, не дура ли, если учесть тот факт, что звоню по внутреннему телефону? Натурально, IQ – «L»...

- Вероника Витальевна, это Эберс. Начальник у себя?
- Он в командировке. Утром уехал, будет только завтра.
- Вот это да! Как это я упустил?!
- А кто за него?
- Турчин.
- Первый заместитель.
- Соедините с ним.
- Он занят.

Нужно что-нибудь придумать, иначе еще Турчин куда-нибудь уедет, и я потеряю время для встречи с ним. Это грозит нереализацией оперативной информации, и Чибис в «ломке» проклянет меня и тот час, когда со мной связался. А через пару суток в городской морг станут оптом поступать трупы с диагнозом «передозировка».

– Срочно передайте ему... Хотя подождите! Вероника Витальевна, а во сколько начальник уехал?

- В девять.
- А мой шеф у него был утром?
- Да, заходил. Он что у вас, в отпуск уходит?
- А вы откуда знаете?

– Мне положено все знать. Самойлов просил начальника отпустить его в отпуск, дескать, пока в работе тишина – отдохнет. Валентин Матвеевич спросил, кто останется за него в отделе, и подписал заявление.

– Я не понял: Самойлов просил отпустить его в отпуск или начальник заставил его уйти в отпуск? – Я спросил скорее автоматически, чем осознанно, так как все было ясно без пояснений.

Это «все» вполне грамотно увязывалось в последовательность действий моего начальника отдела Владимира Самойлова: я «сливаю» ему серьезнейшую информацию – он пишет заявление на отпуск и отчаливает – я остаюсь один на один со своей информацией в роли исполняющего обязанности начальника отдела. Теперь понятна логика действий Самойлова. Если информация пойдет «в цвет» и опера региональной таможни «сломают» на передаче порошка организованную группу и изымут партию крупнейшей контрабанды, то наверху обязательно спросят: «Кто это разрабатывал детали операции и реализовывал информацию?» Наверх доложат: «Отдел по борьбе с особо опасными видами контрабанды! При таком развитии событий вряд ли кто поинтересуется: «Какого хрена отдел по борьбе с контрабандой наркотиков сопли жует?» Напротив, все будут стоя аплодировать и спросят о другом: «А кто руководит этим вездесущим отделом по БООВК?» «Майор таможенной службы Самойлов!» – будет доложено.

А вот если капитан Эберс со своей «шкуркой» и еврофурой уши от селедки получит, а не двадцать восемь кэгэ отравы, то ему и флаг в руки. Пусть на «заслушивании» рапортует, что подвигло его «хлопнуть» на КПП восемнадцатиметровый фургон с капустой и шмонать его в течение дня. Пусть Эберс расскажет, как он измерял рулеткой стенки кузова снаружи и изнутри, пытаясь выяснить, куда испарились недостающие сантиметры. Пусть поведает, как над ним смеялась служебно-розыскная собака, взятая напрокат в питомнике УВД за двадцать банок конфискованной китайской тушенки.

Браво, Владимир.

Если я когда-нибудь окажусь на твоём месте, то постараюсь сделать все, чтобы ни у одного из моих подчиненных не возникло желания назвать меня сукой.

Опять вспотели ладони. Это происходит со мной всегда, когда волнуюсь или просто нервничаю из-за безделицы. Краев говорит, что у меня больное сердце. Но сердце у меня не болит. Меня просто мутит от всего этого...

Передо мной сидели двое оперов из моего отдела и что-то рисовали на бумаге. Наверное, рапорта. Подсказать им, что писать нужно на мое имя, или пусть переписывают набело?

Я посмотрел на часы. Через полчаса должна подойти Амалия, которая еще вечером отпросилась у Самойлова до обеда. Сказала тому, что простыла и посетит врача. Врача она точно посетит, но не терапевта. Уж я-то знаю...

Пора идти к Турчину. Не знаю, как там в ментовке у Краева, а у нас сани нужно начинать готовить не летом, а весной...

Пырьев

Одиннадцать дней назад

Марка Михайловича разговор с Бабиновым не устроил. Вместо заверений в том, что груз пройдет таможню, он услышал лишь скромное мычание и лепет. Дескать, не волнуйтесь, все под контролем. Марк Михайлович был уверен в том, что, когда кто-то произносит фразу «все под контролем», это означает, что контроль как раз полностью отсутствует. Эти шкуры в погонах считают себя самыми хитроумными в подборе выражений! Идея проста как мир – не ударив пальцем о палец, получить куш и отвалить в сторону. Получить дешевые сиюминутные блага в виде новой тачки и еще чего-нибудь, не менее меркантильного, и как крысе сидеть в норе в ожидании очередного «выстрела». Эту суть отдельных представителей «при законе» Пырьев понял еще во время своей первой ходки, когда за сотню рублей просил вертухая соединить его в другой камере с подельником. Пырьев патологически не переваривал предателей, будь они на своей стороне или чужой. Он просто ненавидел «крыс», готовых за бабки изменить даже смыслу своей жизни.

Марк Михайлович с омерзением представил себе капитана Бабинова из таможни, участвующего в задержании контрабанды и готового за три штуки долларов продать идею, самого себя и сослуживцев. Менее чем через две недели в руки Марка поступит колоссальный по нынешним меркам «груз». Почти полтора миллиона доз героина будут стоить жителям города два с половиной миллиона долларов. Ну, и жизнью, конечно... Молодежь нынче такая безграничная и бесконтрольная. Впрочем, собакам собачья смерть. Вот он, Пырьев, к наркоте даже на зоне не прикоснулся. А все почему? Да потому что идея верен остался. И корешей за бумагу не продавал. Может, поэтому сейчас и жив. Может, именно поэтому он имеет особняк на окраине города, охрану и бассейн размером с футбольное поле.

Может, пристукнуть Бабинова после делюги? Башку продырявить и пустить в дальнее плавание. И пусть потом его начальство строит версии о том, что его смерть связана с профессиональной деятельностью. У них сейчас это в моде – работал парень, работал, а потом его с отверстием во лбу нашли. Концов – никаких, поэтому из всех версий рождается, не рождается, а именно рождается самая бесперспективная, марксистско-ленинская, рассчитанная на поколение павликов морозовых версия – убийство связано с профессиональной деятельностью. Бля, в точку! Еще как связано!

Марк Михайлович поморщился, как от зубной боли, и встал из кресла.

Никому верить нельзя! А особенно предателям своих врагов. Бабинов, шкура, ездит на джипе. На его, Пырьева, джипе! А на чем? На своем, что ли? Если его таможенную зарплату в кучу складывать и питаться одним святым духом, то капитану Бабинову удастся накопить сумму, эквивалентную стоимости этого зачуханного «сурфа», ровно через десять лет. Борец с наркобизнесом, мать его... Он собственный конец в штанах с первой попытки не находит, а его начальником отдела ставят!

Да черт с ним, с Бабиновым! Что это Марк Михайлович о нем думает?! Тому все равно – либо за «решку», либо в канаву. Перспектив никаких. На бабиновых в этом деле ставить – самому голову под гильотину класть! Пусть сделает свое дело, а там видно будет...

Пырьев вышел из дома, накинув на плечи пиджак. Не обращая внимания на телохранителей, он взгромоздился на заднее сиденье «пятисотого» и коротко бросил водителю:

– В «Дубраву».

Перекусить, а заодно и встретиться с этим Бабиновым. Парню нужно подробно объяснить, какие санкции могут последовать, если дело будет срываться, а он при этом вафлю жевать.

Заодно неплохо было бы подстраховаться. Николай Владиславович что-то говорил про то, что у него пасынок в ментуре. Может, и пасынка на джип посадить? Хотя и тут ухо остро держать нужно. Арцеулов вот, гостевал, гостевал у Ника, а потом – бац! – и «зачалился» сердешный. Явно, что не при помощи святого духа, а ясновидящего ока!

Если партию «геры» менты «слотошат», то Марку Михайловичу лучше самому с себя шкуру спустить и прыгнуть в клетку ко льву. Все равно с ним это произойдет, если уважаемые люди узнают, на какие цели использован воровской общак, да еще и без их ведома. За «спаленный» мусорам общак братва разматывает «держателю» кишки через задний проход. И не просто «спаленный», а пущенный в дело без решения «сходняка». А уж за то, что Марк просрал общак при попытке «срубить» филок лично для себя...

Но ведь он же не «крыса», он просто займы берет. У своих пацанов...

Кха!.. Пырь тряхнул головой, выбивая из нее ужасные мысли.

– Долго еще?! – заорал на водителя. – Как хер по стекловате тащишься!

– Приехали уже, Марк Михайлович... – обиженно проскулил двухметровый дядя.

Входя в зеркальные двери ресторана, Пырь почувствовал, что аппетит пропал. Говорил же сам себе, бля, не думай о делах перед едой!..

Глава 3

Через сорок минут сосед Серега уходил на работу, а еще через полтора часа к Дому журналиста подойдет Амалия. Нужно было спешить. Проклятые воришки! Краев готов был их разорвать, попадись они ему сейчас под руку.

Выпросив у начальника уголовного розыска машину, Женя, поторапливая водителя, помчался на авторынок. Если Слон сегодня решил отдохнуть и не вышел торговать запчастями, дело плохо.

Слон – Заслонкин Бронислав. После двух «ходов» за угоны автотранспорта Броня решил, что почетное звание опасного рецидивиста не обещает в дальнейшем никаких перспектив, и занялся менее рискованным бизнесом – торговлей запчастями на городском автомобильном рынке. Краев знал, что большая половина железа, предлагаемых Слоном вечно нуждающимся автолюбителям, не что иное, как сданный на реализацию товар. Кем сданный – тоже понятно. Пока существуют средства передвижения, всегда будут существовать группы людей, желающие ими завладеть, разобрать и продать расчлененный автомобиль тем, у кого не вовремя «полетела» шаровая, треснул фонарь или сломалось рулевое колесо. Автолюбители – та категория покупателей, которой совершенно безразлично, ворованными запчастями торгует Слон или нет. Им нужна шаровая, а не идея.

Когда Броня увидел перед собой Краева, его глаза засветились недоброжелательностью, а губы растянулись в ласковой улыбке. Этаким оскал многоликого Януса. Недоброжелательность сама по себе была вполне обоснованна. Слон отмотал три последних года в колонии общего режима благодаря именно Краеву. А признаки любви он выказывал по той простой причине, что Краеву ничего не стоило это повторить. Любая железка на столе Заслонкина могла оказаться краденой. Оба это знали, но Евгению было выгоднее держать ситуацию на авторынке под контролем, чем видеть Слона за решеткой.

– Привет работникам автомобильного бизнеса. – Краев провел рукой по «товару». – Почем свечи?

- Свечи надо? – живенько поинтересовался Броня.
- Я что, похож на скупщика краденого?
- Они не ворованные, начальник! – возмутился Слон.
- Ага. Я забыл. Тебе идут прямые поставки из Тольятти...
- Отвечаю – не ворованные.
- Колеса надо.
- Сколько? – сразу последовал вопрос.
- Четыре.

Слон с едва заметной улыбкой посмотрел на опера, но промолчал.

– Только деньги я тебе через неделю отдам, договорились? Через неделю зарплата будет.

Краев знал, что колес у Слона в «ассортименте» нет и тот возьмет их у кого-нибудь под честное слово.

- «Гиславед» пойдут?
- Пойдут, – слегка помедлив и носом почуяв добычу, выдавил Евгений.

Слон выкатил из металлического контейнера, служившего складом, одно за другим четыре почти новеньких колеса. Краеву достаточно было мгновения, чтобы узнать свою «резину». Над Слоном нависла угроза не милицейской, а мужской расправы.

– Сколько я тебе должен? – ядовито осведомился Женя и, не давая Броне открыть рот, поставил точку в торгах. – Ладно, Заслонкин, мне сейчас некогда. Я к тебе через пару дней подъеду, когда с делами разгребусь.

Поскольку зарплата была через неделю, а Краев пообещал приехать через пару дней, Слон почувствовал легкое недомогание. Глядя, как опер грузит колеса в багажник милицеской «шестерки», он решил сегодня же выяснить у двоих знакомых граждан, не у дома ли восемьдесят два по улице Завадского они свинтили колеса этой ночью.

* * *

Амалия появилась на автобусной остановке около Дома журналиста за три минуты до назначенного времени. Краев выждал несколько минут, наблюдая за ее действиями и просматривая пространство и людей вокруг. Тонировка «девятки» отчима, предназначенная для различных «темных» дел его охраны, позволяла даже целиться из автомата посреди оживленной площади – за почти черными стеклами практически невозможно было рассмотреть, что происходило внутри. Если бы не удостоверение Краева, то он уже раз десять был бы оштрафован бдительными сотрудниками ГИБДД.

Не заметив ничего, что могло бы вызвать подозрение, Краев вышел из машины и приблизился к девушке. Следующие мимо мужики не удерживались от того, чтобы не бросить мимолетный взгляд на ее фигуру, словно с чем-то сравнивая или просто о чем-то жалея.

– Простите, Амалия, я немного опоздал. – Женя взял ее за локоть.

Девушка вздрогнула, как от электрошока.

– Вы испугали меня...

– Я не хотел. Пойдемте, сядем в машину. Там нас никто не будет беспокоить.

– Амалия, – едва они уселись на сиденья, обратился к женщине Краев, – вы когда-нибудь видели у Игоря большую золотую цепь? Как я понимаю, ее наличие на теле Эберса всех очень удивило. Значит, либо он носил ее под одеждой, либо ее не было вовсе. Я его видел частенько раздетым по причине совместного времяпрепровождения на трибунах стадиона во время футбольных матчей. Его мог видеть раздетым еще один человек. Это вы... Уж простите, но сейчас не до условностей...

Амалия повела плечами:

– Я могу точно сказать – цепи у него не было. Наши отношения в последнее время были таковы, что я знала, в каком кармане у него находится расческа. Единственной драгоценностью Эберса был серебряный католический крестик, который у него лежал в фужере в «стенке». А уж о наличии цепи я бы знала точно. А почему вас заинтересовала эта цепь?

– Я подумал о том, что кому-то очень хотелось, чтобы его убийство выглядело как заказное. Три тысячи долларов в сумочке, цепь на шее. Не слишком ли навязчиво? Даже у профессионала дрогнет рука при виде тяжелой золотой вещи и сумочки на столике. Обязательно и цепь бы снял, и сумку выпотрошил. Это только в фильмах истые киллеры-профи «валят» клиента и уходят, ничего не забрав, мол, работа есть работа. А убийце Игоря вряд ли заплатили больше, чем пару-тройку тысяч долларов. А тут одно золото на две тысячи тянет плюс три – в сумке. Правда, нелепо?

– Знаете, Женя, после вас я сразу поехала на работу. В кабинете Игоря уже была прокуратура. Выворачивали сейф, просматривали стол, личные вещи. Я наткнулась на его маленький ежедневник и сунула в сумочку.

– А хорошо ли вы сделали? – с укором посмотрел на девушку Краев.

Амалия нервно прикурила и выпустила струйку дыма в узкий просвет между стеклом и крышей машины.

– После того как сотрудники прокуратуры заговорили о том, что, мол, таможня – это большая кормушка, к которой присосались всякие жулики, мне вообще захотелось им в рожу вцепиться! Речь шла об Игоре, понимаете, Женя! Об Игоре!! Человеке, который к чужой вещи даже не прикоснется!

– Ладно, ладно... – Краев положил ей на плечо ладонь. – Что нам сейчас совершенно не нужно, так это эмоции. Я знаю, каким был Игорь. Может быть, даже лучше, чем вы, Аля...

«Аля» прозвучало как-то неожиданно и просто, словно они уже тысячу лет знакомы. Да, Аля – это было то, что нужно...

– Вряд ли они станут искать убийцу Игоря... – тихо промолвила девушка. – Он для них сейчас – жулик...

– Перестань говорить глупости! – возразил Краев. – Для следствия неважно, кто потерпевший.

Он хотел этими словами выразить совсем другую мысль, но Амалия поняла его дословно и вскинула на него свои темные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.